

УДК 821.161.1
DOI 10.25991/AE.2022.22.41.010

О. В. Богданова, Е. А. Власова

Богданова Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Русская христианская гуманитарная академия
Санкт-Петербург

Власова Елизавета Алексеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский институт культуры и искусств
Русская христианская гуманитарная академия
Санкт-Петербург

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО («ОСЕННИЙ КРИК ЯСТРЕБА»)*

В статье показано, что первые годы эмиграции формировали в сознании И. Бродского особую потребность — подведение промежуточных итогов, и потому 1975-й год (третий год эмиграции) актуализировал в сознании поэта мотивы родины, «родного гнезда». Однако в отличие от привычных ракурсов тоски по родине мироощущение героя-птицы Бродского в стихотворении «Осенний крик ястреба» перерастает пределы ностальгии, но обретает черты онтологического мифа о законах существования Вселенной. Мотивы судьбы индивида, свободы личности заслоняют в тексте Бродского мотивы тоски по родине.

Ключевые слова: И. А. Бродский, «Осенний крик ястреба», образная система, ностальгические мотивы.

O. Bogdanova, E. Vlasova

NOSTALGIC MOTIFS OF EMIGRANT POETRY BY J. BRODSKY (“THE AUTUMN CRY OF A HAWK”)

The article shows that the first years of emigration formed a special need in the mind of J. Brodsky — summing up intermediate results, and therefore the year 1975 (the third year of emigration) actualized the motives of the motherland, the “native nest” in the poet’s mind. However, unlike the usual angles of homesickness, the attitude of the hero-bird Brodsky in the poem “The Autumn Cry of the Hawk” outgrows the limits of nostalgia, but acquires the features of an ontological myth about the laws of the Universe. The motives of the individual’s fate and personal freedom obscure the motives of homesickness in Brodsky’s text.

Keywords: J. Brodsky, “The Autumn Cry of a Hawk”, figurative system, nostalgic motifs.

Говоря о стихотворении Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба» (1975), как правило, критика выдвигает на первый план тему поэта и поэзии, тему творчества, тему судьбы поэта. По мысли У. Уодсворта, по стихотворению «Осенний крик ястреба» «можно составить себе представление о видении Иосифом возвышенного: в вербальном полете поэт поднимается на такую высоту, где едва хватает воздуха, но оттуда вид — “горизонт” — так высок и широк, так божествен, как только возможно» [18, с. 435]. Именно в этом поэтологическом контексте в основном и выявляются интертекстуальные пласты стихотворения «Осенний крик ястреба». Неслучайно суждение Л. Лосева о различных интертекстемах стихотворения Бродского связано преимущественно с этим аспектом: «“Осенний крик ястреба” обязан и мифу об Икаре, и оде Горация “К Меценату”, и “Царскосельскому лебедю” Жуковского, и, конечно, “Орлу” Гумилева, и даже, может быть, “Песне о Соколе” Горького» [12, с. 61].

По наблюдениям специалистов-бродсковедов, первым на интертекстуальные пласты стихотворения

«Осенний крик ястреба» обратил внимание поэт А. Найман, напрямую связав его с «Осенью» Евг. Баратынского. В интервью конца 1980-х годов Найман признавался: «Мне кажется, что в нашей молодости для нас, во всяком случае для него <Бродского> и для меня, особняком стояли стихи Баратынского “Осень”. Это вершина русской поэзии, которую ты всегда чувствуешь и звук которой определяет вообще весь шум мироздания. <...> Я думаю, что стихи “Осенний крик ястреба” — это вариация на тему “Осени” и версия “Осени” Баратынского» [13, с. 35].

К интертексту Баратынского обратился впоследствии исследователь И. А. Пильщиков, который, зная об увлечении Бродского поэзией Баратынского, указал на тематическую связь стихотворений современного поэта с лирикой русского классика и, в частности, наметил некоторые мотивно-тематические переключки «Осеннего крика ястреба» с «Осенью» и «Недоноском» Баратынского [19]. По мысли Пильщикова, в «осенних» текстах поэтов совпадают векторы как временной (осень → зима), так и пространственной (пейзажные перспективы),

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–01671, <https://rscf.ru/project/22–28–01671/>; Русская христианская гуманитарная академия.

аккумуляция которых усиливаются подбором сдерживаемого крика отчаяния лирического героя Баратынского («негодования крик», «воплъ тоски великой», «вполне торжественный и дикой») и прощального крика ястреба Бродского («пронзительный резкий крик») [19, с. 221–223].

В монографии «"На пиру Мнемозины": интертексты Иосифа Бродского» исследователь А. Ранчин углубил параллели «Осеннего крика ястреба» к русской классике и через «Осень» Баратынского связал «Осенний крик...» с «Осенью» А. Пушкина, приняв за интенционную связь стремление поэтов «к высшему бытию, символизируемому подъемом к небу» [16]. В целом Ранчин привычно интерпретировал «Осенний крик ястреба» как метафоризированную историю судьбы поэта, его прихода в мир и служения, поставил стихотворение в контекст проблематики «поэт и поэзия», и наряду с Баратынским и Пушкиным ввел в контекст претекстов Бродского стихотворение Г. Р. Державина «Лебедь», с развитой в нем поэтической идиоматикой Горация (как «образцового» предшественника классициста Державина). В обращении к литературе XX века Ранчин наметил точки взаимодействия лирической темы о предназначении поэта у Бродского с мотивикой стихотворений А. Блока, С. Есенина, В. Ходасевича и др.

Подобный ряд интертекстуальных наблюдений-перекличек можно множить. Между тем, на наш взгляд, прав А. Долинин, который отметил, что принять такого рода обширные и разнесенные во времени сопоставления можно только при условии «очень высокого уровня абстракции» [10, с. 277]. По мнению исследователя, расширительно толкуемые мотивы, «по сути дела, являются общими местами или топосами всей мировой поэзии: осеннее умирание, смерть поэта, полет ввысь, падение с неба» [10, с. 277]. По Долинину, «главный изъян сопоставлений такого рода состоит в том, что они игнорируют поэтический слог, образную систему, сюжет, даже главное событие *ОКЯ*, названное в заглавии, — отчаянный предсмертный крик птицы, замерзающей в безвоздушном пространстве» [10, с. 277–278].

В свою очередь А. Долинин обновил ряд интертекстуальных проекций, среди которых оказались стихи Э. Багрицкого («Тиль Уленшпигель»), Н. Заболоцкого («Осень», «Храмгэс», «Север»), О. Мандельштама («Стихи о неизвестном солдате»), У. Х. Одена («В музее изящных искусств») и др. Но наиболее убедительно в качестве претекста «Осеннего крика ястреба» в работе Долинина представлен «Орел» Н. Гумилева, с характерным для стиха образами «небес-могилы» и «птицы-поэта». По мысли ученого, «стихотворение Гумилева — это, по-видимому, единственный текст, где метафора "воздушной могилы" непосредственно реализована в сюжете, и потому оно <...> должно рассматриваться и как <...> очевидный претекст *ОКЯ*» [10, с. 282]. По Долинину, «перекличка сюжетобразующих

мотивов у Гумилева и Бродского самоочевидна: в обоих текстах хищная птица одного и того же семейства залетает в такую высь — в звездные преддверья или в «астрономически объективный ад / птиц, где отсутствует кислород, / где вместо проса — крупа далеких звезд», — откуда уже нельзя вернуться назад; и орел, и ястреб погибают от недостатка кислорода и от холода, но, и мертвые, продолжают полет, по романтической версии Гумилева, — вне времени и пространства, над конечными мирами, среди звезд, «в великолепной могиле» вечности, а по натурфилософской версии Бродского, — как недолговечный снежный прах, как частица мирового природного круговращения» [10, с. 282].

Каждое из приведенных суждений критиков по-своему убедительно и основательно, каждое имеет видимые истоки и резоны. Однако, с нашей точки зрения, все они слишком прямо и чрезмерно однозначно ориентированы на тему поэта и поэзии. Однажды выдвинутое (по-своему традиционное и даже банальное) суждение о параллели судьбы поэта и птицы стало восприниматься аксиоматично, хотя, на наш взгляд, стихотворение Бродского таит в себе и совершенно иные проблемные интенции.

Друзья поэта давно указали на то обстоятельство, что рождение «Осеннего крика ястреба» (отчасти) было связано у Бродского с событиями биографического плана, в частности, с «"карьерой" летчика». В. Полухина напрямую спрашивала в интервью Л. Лосева: «Вам не кажется, что без этого опыта он не написал бы свое послание человечеству "Крик осеннего ястреба"»? [15, с. 61]. И Лосев вспоминал, что Бродский действительно в юности увлекался идеей пилотирования, а в Энн Арборе даже «взял несколько уроков» [12, с. 61]. Потому, по мысли Лосева, «очень может быть, что взгляд с высоты — из опыта полетов» [12, с. 61]. При этом тут же справедливо добавлял, что «не в меньшей степени» стихотворение обязано и своим литературным претекстам.

В документальном фильме «Бродский не поэт» (2015) об опыте пилота рассказывает сам Бродский. «Когда я пролетал над всем этим, я смотрел вниз на эти поля, цветные поля, эти квадраты, и т. д., и т. д., и т. д., я думал: что ж... тебе следует приглядеться получше, потому что здесь ты можешь окончить свои дни. Здесь ты можешь умереть...» [5].

Примечательно, что, будучи в Энн Арборе, Бродский, кажется, только что вырвался «на свободу», оказался в свободных штатах Америки, избавился от преследований КГБ, теперь — парил в воздухе, однако мысли, которые спровоцировал в нем «взгляд сверху», оказались напрямую связанными с представлениями о смерти, очень родственными тому, как эти мотивы репрезентированы в «Осеннем крике ястреба». Казалось бы, матричная модель поэтического текста, связанного с образами птицы и высокого неба, вполне традиционна и очевидна — это символика простора и свободы, высоты и бесконечности беспредельного неба, подчеркнутого

(личностного = поэтического) одиночества. Кажется, общекультурный архетипический код эксплицирован: поэт и толпа — именно по этому «знакомому» пути и пошла критика в интерпретации стихотворения. Между тем в тексте Бродского проступают и иные маркеры — маркеры иной проблемно-тематической сферы.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в насквозь символичной и метафоричной поэзии Бродского, как правило, элиминирующей конкретику, гасящей точность и категоричность, слишком прямолинейно и весьма подчеркнута — трижды — названы топографические реалии: Коннектикут, Новая Англия, Рио-Гранде. Столь очевидные географические маркеры даже позволили А. Ранчину «вскользь» квалифицировать стихотворение Бродского как американское: «Античные философские коннотации этого “американского” стихотворения обнажены в обыгрывании “общего места” греческой мысли — определения: “человек есть бесперое двуногое”» [16, с. 266]. Не останавливаясь на сути высказывания критика, обратим внимание, что Ранчин берет в кавычки определение «американский» и не вкладывает в него особого смысла, но использует (скорее всего) как знак американского периода в творчестве Бродского и/или как отражение множественности американских топонимов в пределах небольшого поэтического текста. Между тем, с нашей точки зрения, именно эти «американские координаты» и важны для акцентуации другого (ранее не рассматриваемого) концептуального смысла стихотворения «Осенний крик ястреба».

Итак, к осени 1975 года Бродский уже три года находился в эмиграции, вне родины. Надо полагать, что мысли об оставленной стране и связи с ней были еще очень сильны и весьма болезненны. Неизбежность подведения некоторых «промежуточных» итогов, связанных с новыми датами-рубежами, была закономерна. Потому в 1975 году — на третий год эмиграции — в творчестве поэта появляются стихи, адресованные к оставленному позади — к М. Б., к сыну («Колыбельная Трескового мыса») и др. Двумя годами позже появится «Пятая годовщина (4 июня 1977)», маркированная днем вылета из ленинградского аэропорта «Пулково», — можно предположить, что и в 1975 году у поэта рождались мысли о «третьей» и последующих очередных годовщинах оставления родины.

Однако в условиях «публичной» эмиграции написать стихотворение в ностальгическом ключе было бы для Бродского невозможно. Поэт и так испытывал чувство «стыда» перед новыми соотечественниками: в разговоре с Э. Проффер он признавался, что испытывает «чувство вины» перед Америкой и американцами, так сердечно и щедро принявшими его, так как, в его понимании, он не оправдывает их доброжелательства и гостеприимства, не готов «играть в политические игры» [5]. Бродский оставался вне политики, вне поэтических

деклараций, вне публичного о(б)суждения покинутой родины. Другими словами — написать стихотворение, в котором бы поэт открыто выразил чувства тоски по родине, было в условиях регламента американской эмиграции недопустимо. Но, по нашим представлениям, именно эти мотивы — в растворенном, сублимированном виде — и получили отражение в тексте «Осеннего крика ястреба».

На наш взгляд, весьма точно относительно рассматриваемого стихотворения выразился Я. Гордин: «В 1975 году <...> Иосиф Бродский в одном из наиболее выразительных своих стихотворений “Осенний крик ястреба” с обычной для него в то время горькой трезвостью объяснил высокую катастрофичность своего пути» [9, с. 197; см. также: 8]. Обратим внимание, Гордин говорит не о пути поэта, но о *его (своем)* пути, т. е. о личностном, человеческом. Как нам представляется, именно этот ракурс и составляет ту семантическую грань стихотворения, которая прежде не была затронута исследователями.

Л. Лосев однажды поведал историю о восприятии «Осеннего крика ястреба» специалистом: «...я как-то прочитал это стихотворение ученому-орнитологу и услышал, что с точки зрения науки там все невероятно, чистая выдумка», и тут же добавил: «Стихи гениальные» [12, с. 61]. Думается, что не нужно быть специалистом-орнитологом, чтобы понять, что стихи Бродского — в научном плане — «чистая выдумка». Однако тем любопытнее понять смысл «выдуманной» трагедии-метаморфозы, произошедшей с героем-ястребом.

Обращает на себя внимание сюжетность (по сути — балладная сюжетность) стихотворения, где герой-ястреб поднимается ввысь, чтобы преодолеть воздушное пространство и достичь те далекие места, где в пышных лесах, в «распаренной толпе буков» [4, с. 103] скрылось его родное гнездо, в котором он помнит каждую мелочь — «разбитую скорлупу / в алую крапинку», запахи, «тени / брата или сестры» [4, с. 103]. В отличие от «людских» координат, вектор пути ястреба не определен с топографической точностью, но противопоставление «здесь» и «там» акцентировано контрастной парой Север ↔ Юг, которые выделены (позиционно и графически) в тексте стихотворения: ястреб с Севера путь «держ<ит> на Юг» [4, с. 103], из Новой Англии «в дельту» «к Рио-Гранде» [4, с. 103], с чужбины — в родные места. Фабульная линия полета птицы не прорисована акцентированно (пристально и выразительно), но она остается устойчивым фоном всего сюжетного повествования: полет птицы имеет определенно означенную цель — возвращение в родное гнездо. Мотив невозможности возвращения придает наррации трагический оттенок.

Пейзажные картины, открывающие повествование, вводящие в тему, изначально фиксируют трагический абрис предстоящего полета птицы, предвещают трагическую развязку. Образ видимой с высоты реки («серебро реки») предстает в сознании парящего в высоте ястреба в виде «клинки», «сталь»

которого блестит «в забубринах перекатов» [4, с. 103]. Образ «вьющейся точно живой клинок» [4, с. 103] реки, блистающей серебром стали среди «бисера городков» [4, с. 103], вызывает в сознании образ восточного оружия, богато украшенного драгоценностями и пугающего своим грозным предназначением. Сопутствующий пейзажу контраст температур — «упавшие до ноля термометры» и «пожар листвьев» [4, с. 103] — дополняют растущее напряжение, формируемое объективными природными картинками и их субъективным психологизированным восприятием. Трагическое впечатление усиливается образом «распластанного» (как распятого) ястреба, который «парит в голубом океане» «с прижатою к животу плюсною» — «когти в кулак, точно пальцы рук» [4, с. 103]. «Сжатый кулак» становится еще одним сигналом предстоящей битвы, некоего будущего противостояния.

Еще не сформировались узлы сюжетной конфликтности стихотворения, однако в атмосфере наррации уже концентрируются образы и мотивы борьбы и столкновения, противодействия и преодоления. Ностальгический мотив родного гнезда прирастает мотивом утраченного гнезда, требующего вступления в борьбу за него. Ощущение близящейся опасности подчеркивается сопутствующими образами острых лезвий травы («травы... лезвия остры» [4, с. 103]), «ножниц» секущего полета птицы («точно ножницами сечет...») [4, с. 103]. Естественно-природный мир оказывается под угрозой технократических «клинки», «лезвий», «ножниц». «Собственное тепло» [4, с. 103] сердца и тела птицы противостоит «осенней синеве» ледяного «голубого океана» [4, с. 103]. Взволнованно-ускоренный ритм биения сердца птицы сравнивается с «частотою дрожи» [4, с. 103].

Привычный поэтический (литературный) ракурс восприятия полета птицы, распластанной в небе, наслаждающейся простором и свободой, у Бродского мутирует, трансформируется, действительно превращается в «чистый вымысел», в рамках которого ястреб оказывается вовлеченным в противостояние «воздушному потоку», в полете «чужа каждым пером поддув / снизу» [4, с. 103].

Но восходящий поток его поднимает вверх
выше и выше. В подбрюшных перьях
щиплет холодом. Глядя вниз,
он видит, что горизонт померк [4, с. 104].

В преддверии неизбежного столкновения (борьбы) «одиноким» ястреб [4, с. 103], «одинокая птица» [4, с. 104] единственный раз в тексте наделяется правом членораздельного голоса, метафорической антропизации, уподобления человеку:

Эк куда меня занесло! [4, с. 104]

Принятое в тексте объективно-личное повествование неожиданным образом сменяется субъективно-личным, 3-е лицо уступает место 1-му, он трансформируется в я. В тексте актуализируется

точка совмещения образа героя-ястреба и образа лирического героя (в данном случае в большей степени героя-повествователя), птичье и человеческое коррелируют, позволяя на примере судьбы птицы эксплицировать черты судьбы лирического героя, героя-нарратора, alter ego автора. Разговорно-просторечная форма восклицания — «Эк куда...» — допускает сближение образа нарратора сюжетного «балладного» повествования с образом лирического героя «бессюжетной» элегии. Интенции героя-ястреба проецируются на образ лирического героя, фоновый мотив мыслей о родине оказывается включенным в ментальную сферу лирического персонажа.

Сближение образов ястреба и героя-рассказчика пунктуационно подчеркивается эксплуатацией восклицательных знаков, не свойственных третьепersonному повествованию («Его, который еще горяч!» [4, с. 104]) и междометным эмоционально-разговорным обозначением высоты — «черт те что» [4, с. 104]. Неактуализированные мысли героя-ястреба, лишённого словесных форм выражения, эксплицируются посредством эмоций-восклицаний героя-повествователя (лирического героя), акцентируя и актуализируя сущностную близость персонажей. Наррация обретает черты несобственно-прямой речи.

Дальнейший нарративный план повествования, вслед за возгласом: «Эк куда меня занесло!» [4, с. 104] — опосредован смешением-совмещением птичьего и человеческого, неразделимости их сущностей, перемежением-диффузией их голосов и сознаний. Даже способ номинации героев-людей и героев-птиц осуществляется на сходной стратегии — посредством субстантивации прилагательных «двуногие» и «пернатые» («Что для двуногих высь, / то для пернатых наоборот» [4, с. 104–105]). Выделенность героев (ястреба и рассказчика) из мира орнитологического и мира антропологического — одинаково им противостоящих — закрепляется мотивом одиночества персонажей, оказывающихся в положении между — между небом и землей, между адом и раем. «Ионосфера» для героев — «астрономически объективный ад»,

<...> где отсутствует кислород,
где вместо проса — крупа далеких
звезд [4, с. 104].

Бродский словно сознательно противопоставляет естественное и искусственное, простое и сложное, научно-аналитичное и природно-чувственное: в итоге — свое и чужое. Примечательно, что в отрицательном сравнении «звёзды // зёрна» поэт рифмически вполне мог бы использовать лексему, обозначающую высококультурованные сорта злаков/круп — например, рожь или пшеницу, но он выбирает упрощенный зерновой/словесный аналог — просо. И на этом уровне поэтического уподобления позитивный маркер закреплен не за «крупной звезд», но за обыкновенным просом. Кажется, незаметно

и ненавязчиво, не броско (пшеница / пшено), но Бродский поэтически точно и детально (по крупичкам) дистанцирует мир сегодняшний (мир Новой Англии и Коннектикута) от мира бывшего, прошлого, мира родного гнезда.

Кульминационный момент стихотворного сюжета — предсмертный крик ястреба, «...отчаянный предсмертный крик птицы, замерзающей в безвоздушном пространстве» [10, с. 278].

Кульминация сюжета:

Не мозжечком, но в мешочках легких
он догадывается: не спастись.
И тогда он кричит [4, с. 105]

— опирается на то же противопоставление: живое и мертвое, теплое и ледяное, природное и механическое.

Из согнутого, как крюк,
клюва <...>
вырывается и летит вовне
механический, нестерпимый звук,
звук стали, впившейся в алюминий;
механический... [4, с. 105].

Образы ранее промелькнувших острых клинка, лезвия, ножниц находят свою реализацию:

<...> И мир на миг
как бы вздрагивает от пореза [4, с. 105]

— дрожь сердца птицы передается вздрагивающему телу мира.

Героя-ястреба настигает смерть:

И в кружеве этом, <...>,
сверкая, скованная морозом,
инею, в серебре,
опушившем перья, птица плывет в зенит,
в ультрамарин [4, с. 105].

Герой-птица замерзает, превращаясь в отливающий ультрамарином, синевой, серебром кусок льда, сгусток мороза, инея — обращаясь в стекло (хрусталь), алмаз, заледеневшую каплю слезы.

Смерть героя-ястреба, несомненно, трагична. Особенно на фоне того, что искомая цель — родное гнездо — не достигнута. Невоплощенность ориентира, невозможность преодолеть силу «воздушного потока», сбивающего героя с его пути и удерживающего «в бесцветной ледяной глади» [4, с. 104], трагически маркированы знаками безжизненного холода, ледяной пустоты, неорганического ультрамарина.

По словам Б. Гаспарова, «падение с неба является одним из наиболее распространенных в мировой литературе поэтико-мифологических образов гибели. В нем переплетаются черты романтики-индивидуалистической героини и вселенские эсхатологические мотивы; взлет в небо и падение-сгорание является в одно и то же время и сугубо индивидуалистическим действием-вызовом, отделяющим романтического героя от всего мира, и про-

образом вселенской космической катастрофы» [6, с. 215]. Однако в стихотворении Бродского трагизм ухода героя-ястреба отчасти снимается и отчасти растворяется, преодолевается актом преобразования персонажа, его перевоплощения. Бродский снимает традиционный мотив катастрофичности смерти (которая, как известно, у Бродского никогда не значит просто/только смерть [см. об этом: 1–3]), но трансформирует мотив — поэт превращает героя в «слезу», в «перл», в «сверкающую жемчужину» [4, с. 105], в некое подобие звезды («сродни звезде» [4, с. 105]), чтобы не обратиться в ничто, не исчезнуть без следа, но заледенеть в ультрамарине небес до состояния «фамильного хрусталя» [4, с. 106], чьи «осколки, однако, не ранят, но тают в ладони» [4, с. 106] снежинками.

Примечательно, что о подобной метаморфозе рассказано в «Истории» Геродота. Геродот упоминает о древней легенде, согласно которой к северу от страны скифов расположены земли, в которых «из-за <...> суровой зимы северные области света необитаемы», воздух их насквозь пронизан «летающими перьями». По предположению Геродота, эти перья — снежные хлопья: «ведь снежные хлопья похожи на перья» и «скифы и их соседи, образно говоря, называют снежные хлопья перьями» [7, с. 188–189, 194]. Об этой легенде, в связи с «Орлом» Гумилева, вскользь упоминает А. Долинин (в примечании), однако, на наш взгляд, применительно к «Осеннему крику ястреба» история Геродота имеет непосредственное отношение (прямое и косвенное).

Напомним, что в 1972 году перевод «Истории» Геродота вышел в ленинградском отделении издательства «Наука» и был сделан Г. А. Стратановским, ленинградским филологом-классиком, переводчиком с древних языков, отцом Сергея Стратановского, молодого (тогда) поэта, близкого кругу Бродского (СНО филфака ЛГУ, литературный клуб Натальи Грудининой, ЛИТО под руководством Глеба Семенова и др.). Скорее всего, Бродский знал переводы Геродота, сделанные Стратановским, может быть, даже успел познакомиться с ними. В любом случае переводы (и их «рабочие» варианты) могли быть обсуждаемы в кругу ленинградской филологической молодежи, к которой примыкал и Бродский. В эмиграции же история о стране к северу от скифов (А. Блок: «Да, скифы мы...») и о перьях-снежинках подверглись поэтом «реставрации»: древняя легенда Геродота не только получила образно-сюжетное воплощение, но и вместила в себя ретроспективную аллюзию-воспоминание. Абрис геродотовой легенды о снежинках-перьях оказался замкнутым внутри сюжета о возвращении птицы в «родное гнездо».

Трагическое *несвершение* замысленного героем-ястребом возвращения на родину эксплицировано в тексте Бродским, но трагедия происходящего остранина, оторвана, отведена от привычного и обычного восприятия: судьба героя-ястреба сводится не к тому, чтобы погибнуть, но реинкарнировать —

пролиться слезой, каплей воды (дождя, снега) на землю, совершив некий круговорот в природе. Его смерть включена в систему метемпсихических закономерностей холодной, но гармонизированной Вселенной. Некая иррациональная воля — «воздушный поток» [4, с. 103] — лишает ястреба возможности воплощения собственного устремления, желания, цели-мечты, но та же надмирная власть реализует высшую законность вселенского порядка. Неслучайно *пестрота оперенья пернатой птицы*, «бывший привольный узор *пера*» [4, с. 106], в финале стихотворения фонетически отражается (кольцеобразно замыкается) в «*пестрых куртках*» детей, лоящих горстью и пальцами «юркие хлопья» снежинок. В новосотворяемом мифе Бродского воля Вселенной поставлена выше воли индивида, сила «воздушного потока» выше личностного выбора.

Однако в плане рассматриваемого нами «отеческого» ракурса весьма примечательна (требует к себе внимания) последняя строка стихотворения, в которой идет речь о том, что детвора выбегает на улицу и — «кричит по-английски: “Зима, зима!”» [4, с. 106].

Несомненно, появление определительного обстоятельства «по-английски» не случайно в тексте. Чуткий к слову и речи, Бродский с легкостью мог бы заменить это наречие любым другим. Но поэт выводит «по-английски» в последней строке, возвращая читателя-реципиента к, казалось бы, уже «потерянной» в пространстве стиха (и неба), вытесненной из текста трагизмом смерти ястреба мысли о родном гнезде.

В контексте топонимов Коннектикут, Новая Англия, Рио-Гранде (река на южной границе США) Бродскому не было нужды уточнять, что дети кричат по-английски — эта реалья могла быть единственно допустимой в тексте. Однако Бродский уточняет языковой ареал с точки зрения лирического героя (= повествователя-рассказчика), для которого, по всей видимости, английский не является родным. Внимание к природе языка, к его национальной атрибуции становится знаком измышленного (но не озвученного) желания лирического героя услышать те же восклицания «Зима, зима!» на родном языке. Сюжетная нить устремления в родное гнездо, не реализованная в пределах поэтической линии трагического полета ястреба, возвращается к исходной текстовой диспозиции, и образ ястреба замещается образом лирического героя, который, подобно птице, желает увидеть родное гнездо, почувствовать родные запахи, услышать родные звуки. Между тем сформированная и выдержанная в ходе всего повествования параллель «ястреб // лирический герой» удваивает (приумножает) ощущение трагического финала, связанного с невозможностью свершения замысленного — будь то замысел птицы и/или человека. «Что-то выше нас» оказывается, по мысли лирического героя Бродского, мощнее, суровее и непреодолимее.

В подобной интерпретации мало что мешает произвести подмену/замену понятия «лирический

герой» на «поэт», т. е. вернуться к той традиционной трактовке, которая устоялась в современном бродсковедении [см.: 11, 14, 17]. Однако позволим себе повториться и вернуться к словам близкого друга поэта Я. Гордина о том, что «Осенний крик ястреба» — это отражение высокой катастрофичности собственного («своего») пути Бродского, не только поэта, но и личности, человека, жестоко отторгнутого от родины и его близких, «брата или сестры» [см.: 8, 9].

Таким образом, можно заключить, что как гениальное произведение «Осенний крик ястреба» может быть интерпретировано по-разному. В тексте стихотворения можно усмотреть реализацию темы «поэт и поэзия», но можно разглядеть и мотивы ностальгической тоски, темы «потерянной родины», решенной Бродским особым образом (личностный выбор и судьба). Намеренно оставивший прошлое в прошлом и сознательно не обращавшийся в стихах к теме родины, тем не менее, как показывает проведенный анализ, Бродский (вольнo или невольнo) утаивал (и реализовывал) болезненную для него тему в подтексте стихов, тем самым раздвигая границы возможной поэтической (и научной) трактовки, рефлексии. Трагические ноты стихотворения «Осенний крик ястреба», связанные не только с темой исключительной (по-пушкински избраннически-одинокой) судьбы поэта, но и с темой утраченной родины (кажется, не характерной для художника, однако, как выяснилось, близкой ему) существенно обогащают представление о личности Иосифа Бродского, поэта и человека.

Литература

1. Богданова О. В., Власова Е. А. В поисках самопознания (интертекстуальные пласты поэмы И. Бродского «Шествие») // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. С. 258–281.
2. Богданова О. В., Власова Е. А. Евангелие от Иосифа (поэма И. Бродского «Горбунов и Горчаков») // Научный диалог. 2021. № 12. С. 180–204.
3. Богданова О. В., Власова Е. А. Поэтические миры Иосифа Бродского. СПб.: Алетейя, 2022. 175 с.
4. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. СПб.: Пушкинский фонд, 1998. 2-е изд. Т. III. 312 с.
5. Бродский не поэт. Документальный фильм / реж. И. Белов. М., 2015. 100 мин. URL: www.youtube.com
6. Гаспаров Б. Смерть в воздухе (К интерпретации «Стихов о неизвестном солдате») // Гаспаров Б. Литературные лейтмотивы: очерки русской литературы. М.: Наука, 1994. 303 с.
7. Геродот. История в девяти книгах / пер. и примеч. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко; ред. пер. Н. А. Мещерский. Л.: Наука, ЛО, 1972. 600 с.
8. Гордин Я. В сторону Стикса. Большой некролог. М.: НЛО, 2005. 226 с.
9. Гордин Я. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел. О судьбе Иосифа Бродского. М.: Время, 2010. 256 с.
10. Долинин А. Воздушная могила. О некоторых подтекстах стихотворения Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба» // Эткинские чтения — 2: сб. статей по мат-лам Чтений памяти Е. Г. Эткина 2002 и 2004 гг. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2005. С. 276–288.

11. *Измайлов Р. Р.* Время и пространство в поэзии И. Бродского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 20 с.
12. *Лосев Л.* Август 2004 // Бродский глазами современников / сост. В. Полухина. СПб.: Изд-во ж-ла «Звезда», 2006. Т. 2. С. 57–74.
13. *Найман А.* 13 июля 1989, Ноттингем // Бродский глазами современников / сост. В. Полухина. СПб.: Изд-во ж-ла «Звезда», 2006. Т. 1. С. 26–55.
14. *Плеханова И. И.* Преображение трагического: метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Томск, 2001. 40 с.
15. *Полухина В.* Иосиф Бродский глазами современников: в 2 кн. Изд. 2-е. СПб.: Изд. ж-ла «Звезда», 2006. Т. 2. 544 с.
16. *Ранчин А. М.* «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. М.: НЛО, 2001. 462 с.
17. *Романов И. А.* Лирический герой в поэзии И. Бродского: преодоление маргинальности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 16 с.
18. *Уодсворт У.* 19 ноября 2003, Нью-Йорк // Бродский глазами современников / сост. В. Полухина. СПб.: Изд-во ж-ла «Звезда», 2006. Т. 2. С. 423–441.
19. *Pilshikov I.* Brodsky and Baratynsky // *Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Papers from an international Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman. Russian Culture, Structure and Tradition. 2–6 July 1992, Keele University, United Kingdom.* Rodopi, 1993. P. 214–228.